

А. М. Самозванцев

О ПРАВОВОМ ТЕКСТЕ ДХАРМАСУТР

Как известно, дхармасутры — первые из дхармических сочинений — начинают во все большем объеме включать правовой материал из недошедших до нас текстов артхашастры; что касается правовых глав «Васиштхи» и «Гаутама», то здесь нельзя исключать возможности влияния на них «Артхашастры Каутильи» и ее источников. Именно в древних дхармасутрах «Баудхаяна» и «Апастамба» берет начало процесс складывания правового текста дхармашастры, который завершается с оформлением «Нарада-сморити» как авторитетного правового текста и осмыслением в качестве таких текстов более ранних дхармашастр.

Если исходить из традиционной рубрикации текста дхармашастры на санскару (обряды) — вьявахару (право) — праяшчитту (искупления за совершенные грехи), то примечательно, что последние две рубрики появляются в дхармасутрах; известно, что содержание предшествующих им грихьясутр составляют домашние обряды. Эти две рубрики — вьявахара и праяшчитта — составляют предмет нашего исследования.

Вслед за А. А. Вигасиным и В. Н. Романовым¹ мы отстаиваем тезис И. Я. Мейера, сформулированный им в книге «О сущности древнеиндийских правовых текстов и их отношении друг к другу и к Каутилье»²: древнеиндийское право складывалось и развивалось в светских текстах артхашастры, по отношению к которым авторы дхармашастр выступают в качестве компиляторов, включающих в ритуальные сочинения чуждый им правовой материал. Как было показано А. А. Вигасиным и В. Н. Романовым, своим появлением этот материал обязан важным композиционным изменениям, заметным уже в дхармасутрах и связанным с наложением на их текст схемы дхармических занятий членов четырех варн. Поскольку традиционно «идеальным» кшатрием является царь, в описание его деятельности в том или ином виде должно войти описание случаев правовой практики (в свою очередь несакральные дхармы царя включают захват добычи оружием и защиту живых существ, в первую очередь подданных, от нарушающих существующий «порядок» внешних и внутренних врагов).

Здесь, однако, следует выделить два момента. Во-первых, — неизбежность включения этого материала в текст дхармасутр. Само лежащее в основе дхармашастры понятие дхармы с ее емким содержанием делало возможным подобное включение, а важность такой сферы неритуальной деятельности человека, как правовая практика, делала его необходимым.

¹ Вигасин А. А. Юридическая тематика в композиции дхармасутр. — В кн.: Санскрит и древнеиндийская культура. М., 1979; Вигасин А. А., Романов В. Н. Наблюдения над композицией дхармасутр. — В кн.: Древний Восток и античный мир. М., 1980; Вигасин А. А., Самозванцев А. М. Артхашастра: проблемы социальной структуры и права. М., 1984, с. 37—54.

² Meyer J. J. Über das Wesen der altindischen Rechtsschriften und ihr Verhältnis zu einander und zu Kautilya. Lpz, 1927.

Так же как описание несакральных дхарм кшатрия-царя в этом смысле само было производным от светской деятельности, оформление дхармы царя в виде текста было необходимым и естественным результатом этой деятельности, а значит, правовой практики, или выявахары.

Во-вторых, — на что обычно обращают меньше внимания — другим таким, правда, куда менее значимым каналом, являлась праяшчитта, поскольку также неизбежно и независимо от раджадхармы в предмет праяшчитты должен был оказаться включенным и правовой материал.

Предмет праяшчитты составляют нарушения тех или иных запретов и искупления совершенных грехов. Поэтому она содержит только тот правовой материал, который может быть описан в терминах греха — искупления. Набор тем праяшчитты оказывается традиционным и устойчивым уже в древних дхармасутрах. И уже в древних дхармасутрах в ее разделы входит материал, связанный с совершением и искуплением четырех тяжких преступлений-грехов (великих грехов): убийства брахмана, осквернения ложа гуру, кражи золота брахмана и питья хмельных напитков (как в «Баудхаяне» I.10.19)³. Эти четыре частных случая, в значительной мере формирующих материал праяшчитты, в свою очередь растворяются в четырех больших темах: нанесении вреда живым существам, вкушении недозволенной пищи, воровстве и прелюбодеянии (см. структуру «Ману» XI.1—180: здесь об убийстве брахмана и его искуплении говорится в шлоках 73—90, о питье хмельных напитков — в 91—99, о краже золота брахмана — в 99—103, о прелюбодеянии с женой гуру — в 103—107; 180 шлока завершает упоминавшиеся выше четыре большие темы).

В отличие от всякого прочего, касающийся этих четырех преступлений-грехов материал выглядел в глазах составителей шастр равнозначным правовым материалом, так как он попадал то в раджадхарму, то в праяшчитту, получая — то как преступление, то как грех — различную окраску.

В праяшчитте «Баудхаяны» говорится, что двенадцатилетнее и иные покаяния полагаются за неумышленное убийство брахмана (II.1.2—6), за убийство брахмана с умыслом покаяния не полагается (II.1.7); при убийстве кшатрия, вайшьи и шудры на убийцу налагается покаяние — жизнь изгоя соответственно в течение девяти, трех лет и одного года (II.1.9—11). В II.1.14—16 речь идет о покаянии, которое налагается на осквернившего ложе гуру, в II.1.17—20 — о покаянии, которое налагается на похитившего золота, а в II.1.21 и последующем тексте — о покаяниях за питье хмельных напитков (далее, при описании «патания», или грехов, влекущих лишение касты, упоминаются между прочим похищение собственности брахмана и имущества, отданного на хранение — II.1.50 и лжесвидетельство о земле — II.1.53).

Описание покаяния за кражу золота в «Баудхаяне» представляет собой текст, видимо, древний (хотя в контексте он таким не кажется), который гласит: «Вор, распустив волосы, положив на плечо дубину из (дерева) сидхрака, пусть прибежит к царю (со словами): „Убей меня ею!“ Пусть (царь) его ею убьет. С дубиной на плече пусть вор прибежит к царю (со

³ В работе используются тексты «Баудхаяны», «Апастамбы», «Васиштхи», «Гаутамы», «Ману», «Яджнавалкьи», «Вишну» и «Артхашастры». Ссылки на них приводятся по следующим изданиям (в порядке перечисления памятников): The Smṛiti Sandarbha. V. III. Gurumandal Series № IX. Calcutta, 1952; Apastamba Dharmasūtra with the Commentary Ujjwala by Sri Haradatta Miśra. Ed. by Chinnaśwāmī Śāstrī A., Ramanatha Śāstrī A. Kashi Sanskrit Series № 93. Benares, 1932; Aphorisms of Vasistha. Ed. by Führer A. A. Bombay, 1883; Gautamapraṇitadharmasūtrāṇi /Haradattakṛtāmitā kṣarāvṛttisāhitāni /Ānandāśramasamskrtagranthāvaliḥ, 1966; The Manusmṛti with the Commentary Manvarthamuktāvali of Kullūka. Ed. by Acharya N. R. Bombay, 1946; Yājñavalkya's Gesetzbuch. Sanskrit und Deutsch von Stenzler A.-F. L.—B., 1849; The Smṛiti Sandarbha. V. I. Gurumandal Series № IX. Calcutta, 1952; The Kautīliya Arthaśāstra. Pt. I. A Critical Edition with a Glossary. Ed. by Kangle R. P. Bombay, 1969.

словами): „Накажи меня ею, о царь, помня о дхарме кшатрия“. В случае наказания или освобождения вор будет свободен от греха. Но вследствие (того, что) наказание не (наложено), царь постигает (т. е. на него перелagается — А. С.) тот грех вора»⁴.

Однако формула наложения наказаний за великие грехи присутствует в «Баудхаяне»; в раджадхарме, в I.10.19: «Брахман (в случае) убийства брахмана, осквернения ложа гуру, кражи золота (и) питья хмельных напитков, после того как на (его) лбу раскаленным железом будет (выжжено) клеймо (с изображением) человеческого тела, женского полового органа, шакала (или) кабачной вывески, (подлежит) изгнанию из страны»⁵.

Далее, в контексте наказаний (о котором речь пойдет ниже), говорится в I.10.20—24: «В случае убийства брахмана для кшатрия и прочих (вайшьи и шудры) (полагается) смертная казнь и конфискация всего имущества. Но для них же при убийстве равного (или более) низкого (по варне) следует назначить соответствующие наказания, сообразно с возможностями (виновного). При убийстве кшатрия (назначается выкуп) в тысячу коров. При убийстве кшатрия для искупления вины царь пусть назначит (выкуп) в тысячу коров (и) на одного быка больше; (при убийстве) вайшьи — сто (коров), шудры — десять, и на одного быка больше»⁶. Текст, по-видимому, составной и распадается на две части: I.10.20—21 и I.10.23—24. Фрагмент I.10.23—24 имеет аналог в «Апастамбе», в праяшчитте I.24.1—4: «Убив кшатрия, в качестве пени надлежит дать тысячу коров; в случае (убийства) вайшьи — сто; в случае (убийства) шудры — десять. И во всех случаях для искупления (надлежит давать на одного) быка больше»⁷.

Следовательно, в «Баудхаяне» покаяние — образ жизни изгоя в течение определенного количества лет — рассматривается именно как покаяние, т. е. относится к праяшчитте, тогда как выкуп в виде коров рассматривается как светское наказание и относится к раджадхарме (вьявахаре). В «Апастамбе» подобный выкуп считается разновидностью искупления и входит в праяшчитту.

Праяшчитта «Апастамбы» кроме человекоубийства включает также кражу — фрагмент I.25.4—5 содержит знакомый нам текст: «Вор с распущенными волосами, неся дубину на плече, прибежав к царю, (пусть заявит): „Я совершил (такое-то) деяние“. Той (дубиной царю) надлежит его убить. В случае смерти (тот получает) освобождение (от греха)»⁸. Но, скажем, тема прелюбодеяния входит в «Апастамбе» в разделы раджадхармы. Причем, если в праяшчитте «Баудхаяны» оно и карается в духе праяшчитты (виновный должен либо лечь на раскаленное железное ложе; либо отрезать половой член с мошонкой и идти на юг, пока не упадет), то в раджадхарме «Апастамбы» за прелюбодеяние полагаются вполне светские наказания в виде конфискации имущества, изгнания, смертной казни и т. д. (II.26.18—II.27.13). Но любопытно, что здесь имеется маленький фрагмент II.27.11—13, словно взятый из праяшчитты и говорящий о наложении наказания на брахмана в случае единожды или не-

⁴ *stenah prakīrya keśānsaidhrakam musalamādāya skandhena rājānam gacchedanena māṃ jahāti tenainam hanyāt // skandhena musalam steno rājānamanviyāt / anena śādhi māṃ rājāṅksatradharmamanusmaran // śāsane vā visarge steno mucyeta kilbiṣāt / aśāsanātu tadrajā stenaḍāpnoti kilbiṣam //*

⁵ *brāhmaṇasya brāhmaṇahatyāgurutalpagamanasuvārnasteyasurāpāṇeṣu kusindhabhagasgālasuradhvajāṇstaptenāyasā lālāṇēṅkayitvā viṣayānnirdhamanam //*

⁶ *ksatriyādīnām brāhmaṇavadhe vadhaḥ sarvasvaharaṇam ca / teṣāmeva tulyāpakṣtavadhe yathābalamanurūpāṇḍāṇprakalpayet / ksatriyavadhe gosahasraṃ / ksatriyavadhe gosahasraṃṣabhaikādhikam rājāṇā utsrjedvairaniryātanārtham / śatam vaiśye daśa śūdra ṛṣabhaścātrādhikah //*

⁷ *ksatriyam hatvā gavān sahasraṃ vairayātanārtaṃ dadyāt / śatam vaiśye / daśa śūdre / ṛṣabhaścātrādhikah sarvatra prayaścittārtham //*

⁸ *stenah prakīryakeśeṃse musalamādhāya rājānam gatvā karmāṇ cākṣita / tenainam hanyādvadhe mokṣaḥ //*

сколько раз имевшего место прелюбодеяния (см. Харадатту на «Апастамбу» II.27.11 — имеется в виду жизнь изгоя в течение стольких-то лет). Он свидетельствует о том, что материал раджадхармы (вьявахары) и праяшчитты в дхармасутре не вполне дифференцирован.

Далее, в праяшчитте «Васиштхи» в XX.31—33 указывается, что убийца кшатрия становится изгоем на восемь лет, вайшьи — на шесть и шудры — на три года. В тексте XX.41 сказано: «В случае кражи золота брахмана вор, распустив волосы, пусть обратится к царю со словами: „Я (виновен), накажи меня, государы!“ Пусть он даст тому царю орудие из фигового дерева, чтобы быть им убитым; вследствие смерти, как известно, (он) будет очищен (от греха)»⁹.

В праяшчитте «Гаутама» говорится об убийстве брахмана и соответствующем покаянии в III.4.1—11. Согласно III.4.14—16, убийца кшатрия ведет жизнь изгоя в течение шести лет и дает в виде выкупа брахманам тысячу коров и одного быка; убийца вайшьи становится изгоем на три года и дает сто коров и быка, шудры — на год и дает десять коров и быка (обсуждение расхождений в цифрах и других деталях, например — выкуп и покаяние, выкуп или покаяние — не входят в предмет нашего исследования). Но о воровстве речь идет не в праяшчитте, как в «Васиштхе», а в раджадхарме. Наряду со светскими наказаниями за воровство (в виде публичного оглашения, изгнания, клеймения — II.3.44; ср. II.3.46—47) здесь есть текст II.3.40—42: «Вор с распущенными волосами (и) дубиной (на плече) пусть прибежит к царю, (заявив): „Я совершил такое-то (греховное) деяние“. (Он) очищается смертью и освобождением. Царь, не карающий (вора) смертью, (сам становится) грешником»¹⁰.

В «Ману» вообще имеются параллельные тексты: IX.235 — во вьявахаре: «Убийца брахмана, пьяница, вор, осквернитель ложа гуру — они все вместе и каждый в отдельности должны считаться людьми, совершившими великий грех»¹¹ и XI.54 — в праяшчитте: «Убийство брахмана, пьянство, кража, прелюбодеяние с женой гуру и даже сообщество с такими (преступниками) объявили великими грехами»¹².

Наказания этих четырех категорий великих преступников-грешников в виде клеймения соответствующими клеймами (IX.237), лишения всякого общения с ними — если они не совершили покаяния (IX.240) и в виде крупного штрафа — если они его совершили (IX.240—241) за убийство человека (тысяча пан в VIII.296 — в контексте оскорбления действием), воровство (VIII.319—331 — от незначительного штрафа до смертной казни) и прелюбодеяние (VIII.352—385 — вплоть до смертной казни) в разделах вьявахары — вполне светские. В праяшчитте же, скажем, за убийство человека предписывается: при неумышленном убийстве кшатрия брахманом — выкуп в тысячу коров и одного быка или покаяние — трехлетняя жизнь изгоя (XI.128—129), в случае убийства вайшьи полагается годичное покаяние или выкуп в сто коров и одного быка (XI.130), в случае убийства шудры — покаяние в течение шести месяцев или выкуп в десять коров и одного быка (XI.131). Но, например, применительно к воровству материал не дифференцирован. Согласно VIII.314—315: «Вор должен бежать к царю с распущенными волосами и объявить о той краже: „Это сделал я, накажи меня!“ И взяв на плечо дубину или палку из дерева кхадира, копьё, заостренное с обоих концов, или железную пал-

⁹ *brāhmanasuvāṇaharaṇe prakīrya kēśānrājānamabhidhāvetsteno'smi bho śāstu mām bhavāniti tasmai rājadumbaram śāstram dadyātenātmanam pramāpayenmaranātpūto bhavātīti vijñāyate //*

¹⁰ *stenah prakīrnakēśo musalī rājānamiyātkrmā cakṣaṇah // puto vadhamokṣābhyām // aghnannenasvī rājā //*

¹¹ *brahmahā ca surāpaśca steyī ca gurutalpagah / ete sarve pṛthagjñeyā mahāpātakiṇo marāḥ //*

¹² *brahmahatyā surāpānam steyam gurvaṅganāgamah / mahānti pātakānyāhuḥ saṃsargaścāpi taiḥ saha //*

ку»¹³. Так и оставалось бы непонятным, зачем, собственно, вор берет на плечо дубину и прочее, если бы не несколько неожиданное, но вполне понятное в духе данных выше объяснений появление зеркального текста но уже в праяшчитте XI.99—100: «Брахман, совершивший кражу золота, приди к царю, признавшись в содеянном, пусть скажет: „Государь, накажи меня!“. Взяв дубину, царю надо самому ударить его один раз...»¹⁴.

В «Вишну» наблюдается следующая картина: определение четырех великих грехов здесь дается только в праяшчитте XXXV.1 (ср. «Яджнавалкью» III.227), а светские наказания за них в виде смертной казни и клеймения упоминаются значительно раньше, в разделах раджадхармы V.1—7. Следовательно, в праяшчитту порой входит не только правовой материал, но даже материал, составляющий темы сложившейся рубрики व्याвахары.

Можно сделать еще одно наблюдение: в отличие от светских наказаний व्याвахары для праяшчитты характерны покаяния и выкупы коровами в качестве пени за убийство человека (напомним: в «Баудхаяне» выкуп тоже считается светским наказанием). Соответственно более архаичная, чем व्याвахара (а искупление за грех-преступление против обычая не может не быть древнее наказания за преступление, налагаемого царем-государством), праяшчитта отражает и более архаичные представления в сфере преступления — наказания (в данном случае — выкуп, который выплачивается, видимо, старейшинам; пропорция в сторону увеличения выкупа при убийстве человека более высокой варны, видимо, имела место, хотя цифры явно искусственны). Материал артхашастры и дхармашастры передает в дхармашастре две оппозиции: человек — государство и человек — община, и эта последняя объясняет окраску, которую правовой материал получает в праяшчитте¹⁵.

Но коммуникативный канал праяшчитты оказался для правового материала тушиковым (не случайно чисто информативно тексты ранних и поздних дхармашастр, касающиеся четырех великих грехов-преступлений, мало отличаются друг от друга). На это имелись свои причины. С одной стороны, праяшчитта включала только те грехи-преступления, которые были для нее традиционны и могли быть описаны в соответствующих им терминах. С другой — все более обильный и разнообразный материал индийского права получал естественный выход в разделах раджадхармы в ее расширительном истолковании, т. е. за рамками собственно дхармы царя.

Обратимся теперь к материалу व्याвахары и попытаемся вначале дать характеристику правовых глав дхармасутр на примере решения частного вопроса — о документе.

В разное время проблема документа или, правильнее сказать, его отсутствия в дхармасутрах рассматривалась разными авторами и решение ее не было однозначным. Во введении к английскому переводу «Законов Ману» Г. Бюлер объяснял отсутствие в дхармасутрах (за исключением «Васиштхи») ссылок на документы тем обстоятельством, что последние просто не интересовали составителей; предположение о том, что эти сочинения могли создаваться в дописьменный период истории Индии, им не допускалось¹⁶. В свою очередь Н. Ч. Сен-Гупта полагал, что здесь сказалось влияние специфики индийского права середины и второй половины I тыс. до н. э.: для него было характерным, что в суде более важными счи-

¹³ *rājā stenena gantavyo muktakeśena dhāvata / ācaksāpena tatsteyamevaṃkarmāsmi śādhi mām // skandhenādāya musalaṃ laguḍaṃ vāpi khādiram / śaktiṃ cobhayatastikṣṇāmāyasam daṇḍameva vā //*

¹⁴ *suvarṇasteyakṛdvipro rājānamabhiḡamya tu / svakarima khyāpayanbrūyānmām bhavānanuśāstiviti //*

¹⁵ Вигасин, Самозванцев. Артхашастра..., с. 223.

¹⁶ The Laws of Manu.— In: Sacred Books of the East, 1886, v. 25, p. XXVI—XXX.

тались свидетельские показания, которым, естественно, уделялось больше внимания, чем доказательствам письменным¹⁷. Р. Ленга, пытаясь дать объяснение тому факту, что упоминание о документе встречается в одной «Васиштхе», высказывал иное мнение: «Мы совершили бы ошибку, расценивая молчание остальных дхармасутр по поводу этого предмета как свидетельство их относительной древности по сравнению с „Васиштхой“». Они должны были быть осведомлены о документах. Если они и хранят о них молчание, то потому, что этот предмет входит в сферу обычного права»¹⁸.

Каждое из этих объяснений, в свое время нас вполне устраивавшее, теперь кажется неудовлетворительным. Умалчивание составителей дхармасутр о документах можно было бы счесть естественным, если бы они равным образом не касались других близких по характеру сюжетов — в первую очередь темы свидетельских показаний, а также тем судей, организации суда, судебных дел и т. д., а само изложение правового материала было бы крайне фрагментарным. Однако ничего подобного в текстах дхармасутр не наблюдается: даже в лаконичной раджадхарме «Баудхаяны» (I.10) четверть из сорока сутр посвящены судебным делам (I.10.29—40). Судьи здесь упоминаются дважды (I.10.30—31), а свидетели — восемь раз (I.10.29—30, 32—37). В «Апастамбе» также речь идет как о судьях (II.29.5—6), так и о свидетелях (II.29.7—10), а в числе тех средств, с помощью которых решается спорный вопрос в суде, как известно, названы умозаклучение и ордалия (II.29.6).

В «Васиштхе», что уже отмечалось выше, документ упоминается, причем трижды (XVI.10, 14—15); свидетель и свидетельские показания упомянуты 13 раз (XVI.10, 13—14, 27—29, 32—37); в пяти случаях говорится о судебных делах и практике их рассмотрения в суде (XVI.1—3, 20—21). Здесь же впервые дается видовая и функциональная характеристика трехчленного юридического авторитета, состоящего из документа, свидетелей и пользования (XVI.10) — и это при том, что вся содержащая правовой материал XVI глава «Васиштхи» состоит из 37 сутр. В «Гаутаме» при значительном объеме правовых глав темы свидетелей касаются свыше 30 сутр посвященной им главы II.4. В ней также упомянуты судьи (II.2.24—25, 4.11, 26—27, 31), клятва, которую приносят в суде свидетели (II.4.12—13), и умозаклучение (II.2.23).

О фрагментарном изложении правового материала применительно к дхармасутрам говорить не приходится, даже имея дело с «Баудхаяной» или «Васиштхой». Что касается «Апастамбы», то правовым предметам в ней посвящены главы II.25—29 (включая сюда собственно раджадхарму — II.25—II.26.1—17 и оставляя в стороне краткую подтему царя в описании ашрамы домохозяина — II.10.11—II.11.4). Темы убийства человека и воровства рассматриваются здесь в разделах праяшчитты (см. соответственно I.24.1—10, 25.6—13; I.25.4—5) — итого больше 100 сутр. в «Гаутаме» правовые сюжеты обсуждаются в главах II.1—5 (включая собственно раджадхарму: в рамках изложения дхармы четырех варн — II.1.17—49 и вне их — II.2.1—16 и исключая описание дхарм брахмана, вайшьи и пудры — I.1.1—6, 50—62 и норм жизни общин — I.2.17—22) — всего около 200 сутр.

На характере судебных дел мы остановимся ниже. Пока лишь отметим тот факт, что их решение в суде основывается почти исключительно на свидетельских показаниях. Но, по-видимому, вовсе не потому, что они имели большее значение, чем документы, как полагал Н. Ч. Сен-Гупта. Несмотря на очевидное сравнительно позднее по отношению к остальным главам происхождение XVI главы «Васиштхи» (видимо, это касается и XIX главы)¹⁹, представленная в ней формула трехчленного юридиче-

¹⁷ Sen-Gupta N. Ch. Evolution of Ancient Indian Law. Calcutta, 1950, p. 73.

¹⁸ Lingat R. The Classical Law of India. Los Angeles, 1973, p. 69.

¹⁹ Здесь обнаруживаются по крайней мере два фрагмента (XVI. 12—13) фактически идентичные соответственно KA III.8.1 и III.8.13. Оба места находят параллели

кого авторитета не может не быть весьма древней. Здесь следует согласиться с мнением Р. Ленга: составители дхармасутр не могли не быть осведомлены о существовании документов. И эта застывшая формула, которая в том же неизменном виде присутствует во многих более поздних паstraх («Яджнавалкье», «Нараде», «Брихаспати» и других), — а значит, сложение ее происходило до появления самой «Васиштхи», — в глазах составителей этих пастр предполагает иерархичность составляющих ее элементов: документ становится выше свидетелей, свидетели — выше пользования (см. «Нараду» I.76 версии Асахаи). Трудно было бы отрицать иерархичность этой формулы и для «Васиштхи».

В то же время объяснять молчание составителей дхармасутр относительно документов тем, что последние функционировали в сфере обычного права, по меньшей мере спорно. Надо полагать, это право было бесписьменным, и если оно на чем-то и основывалось, то скорее на распространенной практике свидетельских показаний. Но хотя сведения о них и многочисленны в дхармасутрах, объяснять это надо не бесписьменным правом, а другими причинами.

Обратимся теперь к закланиям, отвращающим от лжесвидетельства. Мы здесь не имеем в виду заклания общего характера, которые в случае лжесвидетельства угрожают адом, жизнью, прожитой всеу и т. д., но не содержат никаких деталей, которые говорили бы о специфике судебных дел в дхармасутрах. Большой интерес представляет другая категория закланий. Формула последних такова: при таком-то лжесвидетельстве лжесвидетель убивает (обрекает на ад) такое-то число родственников. Заметим сразу, что в большинстве своем заклания имеют древнее происхождение. Почти без изменений они пересказываются составителями более поздних пастр²⁰. Корни их, видимо, лежат в сфере устной традиции; обычно это стихи, которые произносились вслух. «Баудхаяна» имеет два таких стиха — I.10.35—36: «Он (лжесвидетель) убивает также троих дедов при лжесвидетельстве в деле касательно денег, убивает пятерых при лжесвидетельстве о мелком скоте, убивает десятерых при лжесвидетельстве о корове. Лжесвидетельствующий свидетель убивает сотню при лжесвидетельстве касательно лошади, тысячу — касательно человека, убивает все — при лжесвидетельстве о земле»²¹. В «Апастамбе» таких закланий не имеется. Согласно «Васиштхе» XVI.34: «Пятерых (родственников) он убивает при лжесвидетельстве относительно девицы (?), десятерых — убивает при лжесвидетельстве относительно коровы, сотню — убивает при лжесвидетельстве о лошади, тысячу — при лжесвидетельстве относительно человека»²². «Гаутама» II.4.14—22 гласит: «При лжесвидетельстве относительно мелкого скота свидетель убивает десятерых (родственников), о корове, лошади, человеке (и) земле — в десять раз больше; или же все — (при лжесвидетельстве) относительно земли. При похищении (земли воздаянием будет) ад. При лжесвидетельстве о воде — как (в случае лжесвидетельства) о земле; а также (в случае) сношения (с жен-

в III книге и, вероятно, заимствуются из лежащего в ее основе текста артхашастры или даже из самой КА (ср. также «Васиштху» XIX.11 и КА III, 19.28). См. на этот счет мнение П. В. Кане (*Kane P. V. History of Dharmaśāstra. V. I. Revised and Enlarged. Pt. I. Poona, 1968, p. 99*).

²⁰ Как пример: сутры «Баудхаяны» I.10.32—33 содержат испорченный фрагмент: «В какую ночь ты родился, в какую умрешь, промежуток между ними...». Ему идентичен текст «Нарады» I.224 версии Асахаи: «В какую ночь ты родился, в какую умрешь, промежуток между ними (прожит) всеу при лжесвидетельстве (в суде)» — между этими текстами дистанция почти в тысячу лет (ср. соответственно: *yām rātrimajaniṣṭhastvayam yām ca rātrim mārīsyasi // etayornantarā ... — yasyām rātrāvajanisthā yasyām rātrau mārīsyasi / vrthā tadantaram tubhyam sāksyam cedenyathā krthāh //*).

²¹ *hiranyārthe'rte hanti trineva ca pitamahān / pañca pāsvānrte hanti dāsa hanti gavānrte // śatamāśvānrte hanti sahasram puruṣānrte / sarvaṁ bhūmyānrte hanti sāksī sāksyam mṛṣā vadan //*

²² *pañca kanyānrte hanti dāsa hanti gavānrte / śatamāśvānrte hanti sahasram puruṣānrte //*

щиной). (При лжесвидетельстве) касательно молока и масла — как (при лжесвидетельстве) относительно мелкого скота. (При лжесвидетельстве) касательно одежды, денег, зерна (и) воды ... как (при лжесвидетельстве) относительно коровы. (При лжесвидетельстве) о повозках — как (при лжесвидетельстве) о лошади» ²³.

Пропитируем еще два текста: «Васиштли» XVI.36 и «Гаутама» II.4.29. Согласно первому: «(Сведущие) объявили пять (видов) лжесвидетельства, не (сопряженных) с грехом: (если) лжесвидетельствуют по поводу (заключения) брака, сожительства, в случае опасности для жизни, лишения всего имущества и по делу брахмана» ²⁴. Согласно второму: «В случае с коровой, быком, женщиной (и) рождением (потомства) тяжбу следует вести немедленно» ²⁵.

О каких же судебных делах речь идет в заклитиях, отвращающих от лжесвидетельства, и в двух последних текстах? Судя по ключевой сутре «Гаутама» II.4.17, это главным образом дела, связанные с хищением различных ценностей: денег, зерна, скота, земли и т. д. Сюда же относятся такие дела, когда дают показания по поводу человека (?), вступления в брак, рождения потомства, связей с женщиной, в а случае опасности для жизни и т. д.

Попробуем наложить эту кальку на текст дхармасутр, проводя сопоставление с теми случаями правовой практики, которые в них обсуждаются. В «Баудхаяне» к ним относятся: человекоубийство (I.10.14, 19—25, 27), убийство быка, коровы и прочих живых существ (I.10.25—26, 28), прелюбодеяние (I.10.19), воровство (II.1.52, I.10.19, в том числе отчуждение земли — II.1.53, ср. II.1.52). В «Апастамбе»: убийство человека (I.24.1—10, 25.6—13, II.27.16) и убийство живых существ (I.25.14), воровство (I.25.4—5, II.26.6—8, 27.16, в том числе отчуждение земли — II.27.16; ср. ненамеренное и намеренное присвоение имущества — II.28.11—13), прелюбодеяние (II.26.18—II.27.13), оскорбление словом (II.27.14) и действием (I.25.12), обязанности арендатора и работника, занятого в земледелии (II.28.1—2), обязанности пастуха (II.28.3—10). В «Васиштхе»: споры по поводу недвижимостей (XVI.13—15, ср. фрагмент 11—15 в целом), давностное право (XVI.17—18), имущество, лишенное собственника (XVI.19), воровство (XVI.25, XIX.38—39), долговые отношения (XVI.31), оскорбление словом и действием (XIX.9, 11). В «Гаутаме»: имущество, лишенное собственника (II.1.36—38),клады (II.1.43—45), воровство (II.1.46—47, 3.12—13, 15, ср. 26, 40—42, 46—47), оскорбление словом и действием (II.3.1, 6—11, ср. 4—5, 14), прелюбодеяние

²³ *ksudrapasvanrte saksī dāsa hanti / gōśvapuruṣabhūmiṣu dāśagunottarān / sarvaṃ vā bhūmau / haraṇe (haraṇe bhūmau) narakah / bhūmivadaṃ / maithunasamyoge ca / paśuvānmadhusarpiṣoh / govadvastrahiranyadhānyabrahmasu / yāneśvāsvavat*

²⁴ *udvāhakāle ratisamprayoge prāṇātyaye sarvadhanāpahāre / viprasya cārthe hyanrtam vadeyuh pañcāṇṛtānyahurapatakāni //*

²⁵ Одно сравнение покажет, насколько разнообразнее содержание аналогичного текста в более поздних шастрах. В «Яджнавалкье» II.12 сказано: «В случае грабежа, кражи, оскорбления, коровы, обвинения (в преступлении), тяжкого преступления (и) женщины пусть (судья) прикажет немедленно представить ответ на иск. В иных случаях по желанию назначается отсрочка» (*sāhasasteyapāruṣyagobhīṣārātyaye striyām / vivādayetsadya eva kālo'nyatrecchayā smṛtaḥ //*). Согласно «Катьяяне» (цит. Харадаттой на «Гаутаму» II. 4.29): «В случае с коровой, быком, полем, женщинами, а также рождением (потомства), вкладом, поведением*, (имуществом) подаренным, а также куплей-продажей, лишением девственности девицы, кражей, дракой, грабежом, кладом, обманом и лжесвидетельством тяжбу следует вести немедленно (букв. „в тот же день“)» — *dhenāvanūḍhi kṣetre strīṣu prajānane tathā / nyāse cāritrake datte tathaiva krayavikraye // kanyāyā dūṣaṇe stēye kalahe sāhase nidhau / upadho kūṭa-sākṣye ca sadya eva vivādāyet //*. Эти тексты отражают постепенное расширение представленных в дхармашастрах правовых тем, главным образом касающихся имущественных отношений, и богатство правового материала, который эти темы объединяют.

* «Поведением», — видимо, ошибка переписчика. Судя по контексту, вместо *chāritra* должно стоять что-нибудь типа *yacitaka* — «имущества, переданного в пользование заимообразно».

(II.3.2—3), потрава поля (II.3.16—23), ссужение денег и других ценностей под процент (II.3.26—33), давностное право (II.3.34—36), долговые отношения (II.3.37—38).

Очевидно, что заклятия, отвращающие от лжесвидетельства, отражают в основном материал древних «Баудхаяны» и «Апастамбы».

Встает закономерный вопрос: к какого рода юридическим доказательствам обычно прибегает суд, когда рассматривает дела, связанные с воровством, грабежом, убийством человека, оскорблением словом и действием и прелюбодеянием? К ним принадлежат прежде всего сообщения свидетелей, дающих «показания согласно виденному или слышанному» («Баудхаяна» I.10.29). Судя по «Вишну» IX.1—2, принесение клятв в суде и устроение ордалии, засвидетельствованные в дхармасутрах, тоже имели место в первую очередь в случаях воровства и грабежа («При нанесении ущерба царю (и в случае) грабежа по желанию (судей назначается ордалия)). (В случаях) кражи доверенного на хранение имущества (принимается во внимание) размер (стоимости похищенного) имущества»²⁶ — ср. IX.4—17), а равно — что нам известно по другим текстам — в иных случаях, когда то или иное происшествие происходило не на людях (к ним кроме кражи и грабежа обычно причисляют прелюбодеяние и оскорбление — ср. КА III.11.30 и «Ману» VIII.72). Документы к такого рода доказательствам относиться не могли. В каких случаях правовой практики встречаются документы в более поздних шастрах, начиная с «Ману»?²⁷ Прежде всего в контексте долговых отношений, при оформлении долговых контрактов, а также в контексте двусторонних имущественных отношений. Эти последние впервые рассматриваются в «Васиштхе» XVI.13—15. И с появлением этого нового для дхармасутр предмета появляется упоминание о документе. Становится понятным и естественным и упоминание о юридическом авторитете «пользования»: в этой дхармасутре впервые встречается связанная с ним тема давностного права (XVI.17—18), т. е. формула трехчленного юридического авторитета, с одной стороны, формирует материал, с другой — характер последнего объясняет факт ее появления²⁸. Что же касается долговых отношений, то в «Васиштхе» о них говорится в одной только сутре. Контекст исключает возможность упоминания в этой связи документа, но предполагает присутствие за текстом разработанных правил долгового права. Трехчленный юридический авторитет, не будучи назван, присутствует и в «Гаутаме»: в ней речь идет как о свидетелях, так и о пользовании — опять-таки в аспекте давностного права (II.3.34—36). И хотя материал, касающийся долгового права, предстает здесь в виде таблицы ростовщических процентов (II.3.26—33) с упоминанием залога (II.3.29—30) и в виде двух сутр, говорящих о том, кто должен и когда не следует возвращать долг (II.3.37—38), а документы не упоминаются, складывается впечатление, что они как бы находятся за текстом²⁹.

²⁶ *rājadrohasāhaesu yathakamam / nikṣepasteyēsvarthapramānam /*

²⁷ Вопреки распространенному мнению (см., в частности, *Lingat. Op. cit.*, p. 83) документы как доказательство в суде упоминаются и в «Ману». Но они передаются здесь не привычными терминами *лексхья*, *лексхита* и пр., производными от глагола *лексх*, а терминами карана — как в VIII. 51, 154 и др. и *деша* (*дешья*) — как в VIII. 52—54. Документ в дхармашастрах может получать и другие терминологические обозначения, как, например, *агама* в «Нараде» I.134 версии Асахаи. В КА документ как доказательство в суде передается термином *деша*.

²⁸ Проекция формулы трехчленного авторитета на текст встречается в «Васиштхе» впервые в традиции дхармашастры (в сутрах XVI.13—15 говорится о функциях свидетелей и документа, в сутре XVI.17 — о функции пользования). Этот принцип организации материала сказывается в «Яджнавалкье» и «Нараде», где под его влиянием строится значительная часть текста. В «Ману» его влияние незаметно. См. об этом: *Самозванцев А. М.* Заметки об одном композиционном принципе текста дхармашастры. — В кн.: Проблемы истории Индии. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы (в печати).

²⁹ Впрочем, по словам П. В. Кане (*op. cit.*, p. 105), «...в „Гаутаме“ 13.4, кажется, имеется указание на документы». В этом месте говорится: «Но брахман не должен

Следовательно, то обстоятельство, что в древних дхармасутрах не засвидетельствовано упоминание о документах, надо объяснять исключительно спецификой содержащегося в них материала. Но почему же в них рассматриваются именно эти, а не другие правовые вопросы? По той простой причине, что в «Баудхаяне» и «Апастамбе» большая часть правового материала либо входит в рамки раджадхармы (в «Баудхаяне»), либо является текстуальным и логическим ее продолжением (в «Апастамбе»). В оппозиции к этому правовому материалу как к правовой практике царь, основной обязанностью которого является защита подданных, не может не выступать в своей карающей функции. Соответственно здесь должна идти речь не просто о правовых случаях, но о примерах, описывающих преступления — обычно уголовного характера³⁰.

В самом деле, в раджадхарме «Баудхаяны» правовые казусы сводятся к убийству человека (I.10.14, 19—25, 27), прелюбодеянию (I.10.19), воровству (I.10.19) и питью хмельных напитков (I.10.19). Как пример «гражданского» дела здесь можно привести лишь случай с имуществом, лишенным собственника (I.10.17). В «Апастамбе», в главе II.26, продолжающей вслед за главой II.25 изложение собственно раджадхармы, приводятся два примера правовой практики: воровство (II. 26.6—8) и прелюбодеяние (II.26.18—24 с переходом в следующую главу до 13-й сутры), а затем речь идет об оскорблении словом (II.27.14), убийстве человека и воровстве (II.27.16—17). Главы II.28—29, связкой между которыми является сутра II.28.14 и в которых речь идет, в частности, о двусторонних договорных отношениях и организации суда, располагаются особняком.

В более поздней «Васиштхе» раджадхарма и вьявахара (право) дифференцированы, хотя, судя по сутрам XVI.6—9 — XIX.35—36 и по ряду других моментов, — не вполне, и содержание их еще не приняло устойчивую форму, знакомую по более поздним шастрам. Однако примечательно, что и здесь в раджадхарме упомянуты: оскорбление словом (XIX.9) и действием (XIX.9, 11) и воровство (XIX.38—39), тогда как содержание раздела вьявахары, о чем можно судить по приведенному выше набору ее правовых тем, значительно шире. Упоминание о воровстве там встречается лишь один раз (XVI.25) и в основном говорится об имущественных отношениях. Интересно, что сразу за раджадхармой (II.2) в «Гаутамах» следует глава II.3, содержащая обильный правовой материал, которую мы условно назвали бы вьявахара в узком смысле слова, как главу II.4 — суд. Но и в ней непосредственно после раджадхармы излагаются оскорбление словом и действием (II.3.1), прелюбодеяние (II.3.2—3), оскорбление шудрой варны брахманов (II.3.4—5), оскорбление словом (II.3.6—11) и воровство (II.3.12—13, 15; в самой раджадхарме — II.1.46—47), как и в «Апастамбе» генетическая связь этих тем с раджадхармой тоже кажется несомненной. В «Вишну» вслед за главой III, содержащей раджадхарму, идет краткая глава IV с ее таблицей мер и весов и определением первого, среднего и высшего штрафов, аналогичная «Ману» VIII.131—138 и, видимо, к ней восходящая. Как и в «Ману», ее роль в контексте совершенно очевидна, коль скоро он повествует о наказаниях (с конца III главы). Таким образом, непосредственно за раджадхармой идут следующие темы: наложение наказаний за совершение великих грехов-преступлений (V.1—3),

привлекаться (в качестве свидетеля) по требованию небрахмана, если (он) не указан (в искомом заявлении) (анибаддха)» (brahmanastvabrahmanā vacanādanavarodhūyō' pibaddhaścet). Этот же свидетель упоминается в 8 сутре: «(Лицами), не указанными (в иске), тоже могут даваться показания (в суде)» (anibaddhairāpi vaktavyam). Последний текст «Гаутамы» имеет параллель в «Ману» VIII.76: «Даже если (кто-то), не указанный (в искомом заявлении), увидит или услышит что-либо, то, будучи спрошен, пусть говорит, как видел, как слышал» (yatrānibaddho'pikṣeta śrṇuyādāvāpi kimcana / dṛṣṭastatrāpi tadbrūyadyāthadrṣtam yathāśrutam //).

³⁰ Вигасин, Самозванцев. Артхашастра..., с. 38.

определение четырех великих грехов-преступлений (4—7), преступления против царя (8—9). Далее речь идет в основном о ворах, отравителях, убийцах, насильниках и пр. (10—12). Затем следуют темы оскорбления словом (16—32), прелюбодеяния (33—35, ср. 33—37), оскорбления действием (40—62). Далее V глава включает — через посредство «Яджнавалкьи» — материал пракирники «Артхашастры» и затем при аморфной структуре текста начинаются темы «непередача проданного», «игра», «тяжба хозяина и пастуха», «недача платы» и т. д. Следовательно, в этой поздней дхармасутре наблюдается та же картина, что и описанная выше на примере текста более ранних дхармасутр. Можно внести и следующее уточнение: заклатья, отвращающие от лжесвидетельства, тоже ориентированы в первую очередь на материал раджадхармы.

Нетрудно заметить, что массивированное включение в текст дхармашастры правового материала, в том числе и главным образом такого, который не может быть описан в терминах оппозиции царь-преступление (преступник), приводит к его обособлению и организации вне раджадхармы. Здесь эта оппозиция исчезает и говорится уже не о преступлениях в собственном смысле слова, а начинает рассматриваться широкий круг случаев частно-правовой практики и прежде всего — договорные отношения со всем необходимым содержанием; они же могут быть теперь выражены и организованы в виде определенных предметов судебного разбирательства. Судя по всему, этот процесс начинается уже в дхармасутрах, а именно — с «Апастамбы».

Касательно организации правового материала в дхармасутрах можно высказать еще несколько соображений. На ней сказывается прежде всего функциональное членение текста раджадхармы, опосредованное отправлением царем двух взаимосвязанных основных функций: на первом месте обычно стоит борьба с внешним врагом, на втором — охрана подданных, которая подается в контексте охраны живых существ («Баудхаяна» I.10.3: «(Дхарма) кшатрия (состоит) в учении, принесении жертв, раздаче (даров, захвате добычи) оружием, охране казны (и) живых существ»³¹; «Апастамба» II.10.7: «Эти (три): научение, принесение жертв для других (и) получение (даров) исключаются для кшатрия, (а) прибавляются (наложение) наказаний (и ведение) сражения»³²; ср. «Ману» VII.110. С тезисом об охране подданных как основной обязанности царя, оформленном в виде вводной сутры, начинается изложение собственно раджадхармы (как в «Баудхаяне» I.10.1, «Васиштхе» XIX.1, «Гаутама» II.1.7). Но среди дхарм, которым положено следовать царю, на первом месте неизменно стоит борьба с внешним врагом и в соответствующем тексте излагаются правила ведения сражения («Баудхаяна» I.10.9—12, «Апастамба» II.10.11—12, «Гаутама» II.3.13—23 — схема «Гаутама» особенно показательна; см. также структуру VII главы «Ману»). И точно так же, как сакральные³³ обязанности кшатрия (учение, принесение жертв и пр.) излагались при описании соответствующих ашрам, мирские начинают излагаться в раджадхарме в рамках его двух основных мирских функций, но уже как царя-кшатрия. Соответственно складываются две оппозиции: царь — внешний

³¹ ksatre... adhyayanayajanadānasastrakośabhūtarakṣaṇa. В «Ману» VII.143 (ср. 142—144) мы видим, возможно, древнейшую мотивацию охраны подданных как их защиту от попыток внешнего врага увести их за пределы страны (раштры), — вероятно, на свою землю (ср. KA II.1.1.).

³² etānyeva kṣatriyaśa'dhyāpanayājanapratigrahaṇānti parihāpya daṇḍayuddhād-bhikāni //.

³³ Дхармы варн в паствах, в том числе дхармасутрах, делятся на сакральные, общие для всех дваждырожденных (исключение составляет брахман) и состоящие в «учении, принесении жертв (и) раздаче (даров)» («Гаутама» II.1.1), и мирские, которые осмысливаются в первую очередь как особые средства существования варн («Баудхаяна» I.10.2—5, особ. 3, «Апастамба» I.10.5—8, особ. 7—8, «Васиштха» II.13—20, особ. 17; ср. «Гаутама» II.1.2, 5—6, 7—8, 40—42, 50—52). Утрируя, можно сказать, что вся раджадхарма, включая право, выводится из мирских дхарм царя-кшатрия.

враг, царь — подданный. Эта последняя оппозиция определяет структуру большей части раджадхармы и связанных с нею тем. Их общая последовательность такова: охраняющий подданных царь взимает в качестве вознаграждения за охрану налоги, в качестве примера которых обычно приводится традиционная шадбхага — шестая доля (как в «Баудхаяне» I.10.1: «Получающий как» содержание шестую долю царь пусть охраняет подданных»³⁴; ср. «Гаутама» II.1.28). Затем непосредственно за описанием дхарм, которым надлежит следовать царю при ведении сражения, идет материал, касающийся взимания налогов и пошлин, выполнения повинностей в пользу царя и освобождения от них («Баудхаяна» I.10.15—16, «Гаутама» II.1.24—35; ср. «Апастамбу» II.10.26 и «Васиштху» XIX.23—29, хотя упомянутая выше схема в последних двух дхармасутрах прослеживается не столь четко). Таким образом, вводные сутры типа «Баудхаяны» I.10.1 или «Васиштхи» XIX.1 получают содержательное раскрытие в тексте.

Поскольку получение царем налогов и пр. предполагает приобретение в казну материальных ценностей, т. е. имущества, в тему «налоги» логично входит подтема «имущество, лишенное хозяина», собственником которого становится царь (структура «Баудхаяны» здесь идентична таковой в «Гаутаме» — ср. соответственно I.10.17 и II.1.36—37), затем — подтема «находка клада» и прочие.

Охрана живых существ (подданных) может толковаться и как содержание тех или иных их категорий (ср. «Гаутама» II.1.7—9), например, брахманов, что смыкается с сакральной дхармой царя в виде раздачи даров брахманам — ср. «Апастамбу» II.26.1): несовершеннолетних, брахмачаринов и прочих, а также родственников царя (см. «Апастамбу» II.26, «Гаутама» II.1.9—12). Пример подключения подтемы «содержание царских родственников» к теме «налоги» мы видим в «Васиштхе» XIX.23—34. Примечательно, что вся тема «налоги» завершается сутрами 35—36 касательно содержания царем импотентов и душевнобольных, поскольку за неимением наследников ему достается их имущество. Связь, которую здесь усматривает составитель между охраной подданных — получением налогов (ценностей) и охраной подданных — их содержанием, кажется очевидной. Несомненна также семантическая связь между содержанием царских родственников и импотентов, душевнобольных и прочих.

В рамках той же оппозиции царь — подданный может быть рассмотрена еще одна группа тем с условным названием «преступление — наказание». В ней, видимо, отразилась идея, в соответствии с которой в функции царя входит наложение наказаний («Апастамба» II.10.7, «Гаутама» II.1.8). В более поздних текстах это превращается во взимание штрафов по суду. Однако не известно, как рано она попадает в раджадхарму: из древних дхармасутр она имеется в «Апастамбе» II.10.7, но отсутствует в «Баудхаяне» I.10.3. Кроме того, не случайно охрана царем подданных порой фигурирует в качестве своего рода преамбулы к раджадхарме, вне всякой связи с описанием других дхарм царя (как в «Васиштхе» XIX.1). Во всяком случае, семантическая связь, которая устанавливается между преступлением и наказанием, вовсе не прямая. Посмотрим, как в данном случае выглядит организация текста дхармасутр (наиболее явно эта схема выражена в «Васиштхе» и «Гаутаме»). Охрана подданных означает охрану традиционных правил и норм внутриобщинной жизни в пределах тех или иных варн и ашрам («Васиштха» XIX.7, «Гаутама» II.2.9)³⁵. Их нарушение

³⁴ *śaḍbhāgabhṛto rājā rakṣet prajāṃ.*

³⁵ Было бы заманчиво истолковать охрану царем подданных как защиту их от воров. Но, как нам представляется, последний сюжет имеет в шастрах более частное значение. Обычно он вводится в текст ситуативно, как в «Апастамбе» II.26.6—8, где речь идет об организации города и сельской местности и назначении чиновников, обязанностью которых в первую очередь является сбор налогов (см. контекст), или как в «Гаутаме» II.1.46—47, где кража интерпретируется как нарушение — лишение прав собственности (см. логику построения текста II.1.39—47).

подданными влечет наставление на путь истинный царем, в том числе посредством наложения наказания («Васиштха» XIX.8, «Гаутама» II.2.10, ср. 9—11, 20—31, особ. 28—31). В «Гаутаме» сразу вслед за этим идет тема преступлений — вначале уголовных, потом — гражданских (II.3), в «Васиштхе» — уголовных в виде оскорбления и других (XIX.9 сл.), что естественно, так как выяваха вынесена здесь в отдельную главу (ср. также «Апастамбу» II.10.13—17). Сюда логично вписывается тема суда и следствия, а значит, свидетельских показаний.

Вкратце резюмируем: макрораджадхарма (условно: государство и право), состоящая из микрораджадхармы (обязанности царя) и выявахары (право), организуется в рамках оппозиций царь — внешний враг, царь — подданный, которые объясняют и расположение ее материала. Последней оппозиции как ее производное обязана своим появлением выяваха (право).

Еще один момент, на котором нам хотелось бы остановиться. В «Баудхаяне» вначале излагается собственно дхарма царя, затем — некоторые правовые вопросы, т. е. выяваха, а завершает эту последнюю тема суда и свидетельских показаний. В «Апастамбе», как уже говорилось, вначале тоже излагается дхарма царя, затем — генетически связанные с нею уголовные и далее — гражданские казусы правовой практики, которые обрамляются темой суда и свидетельских показаний. В «Гаутаме» представлена та же схема: вначале изложение дхармы царя, затем — уголовных и гражданских дел и далее — описание суда и свидетельских показаний. Хотим заметить, что хотя композицию всей «Гаутамы» и ее язык, возможно, и трудно признать архаичными ³⁶, композицию ее глав, объединенных темой дхармы царя и связанными с последней правовыми темами, следует, напротив, считать именно архаичной в отличие от «Васиштхи» с ее расчленением этих тем, организованных в несвязанные друг с другом главы. Построение «Васиштхи» тем самым выпадает из общей схемы построения дхармашастр, начиная с «Баудхаяны» и кончая «Яджнавалкьей» и «Вишну» ³⁷. Но примечательно, что и в «Васиштхе» раздел выявахары в XVI главе тоже завершается темой суда и свидетельских показаний, которая служит рамкой, обрамляющей всю раджадхарму (макрораджадхарму), т. е. включая сюда и выявахару (собственно раджадхарма... суд и свидетельские показания). В основе тематической схемы построения макрораджадхармы лежит схема функциональная: дхармы, которым надлежит следовать, — их нарушение (преступление) — наложение наказания судом за совершенное преступление.

Это же наблюдение имеет силу и для текста «Вишну», структура которого с III по XIV главы такова: раджадхарма — различные правовые вопросы — группа оформленных в виде отдельных глав юридических доказательств (документа, свидетелей и ордалий), соответствующая пракарнам свидетели — документ — ордалии «Яджнавалкьи», но генетически, безусловно, связанная с темой суд — свидетельские показания в ранних дхармашастрах.

Рассмотрим композицию той части правовых книг «Ману» и «Яджнавалкьи», которая непосредственно следует за микрораджадхармой (т. е. соответственно за VII главой и концовкой I книги). Здесь уместно еще раз напомнить схему «Гаутамы»: с II.1.24 начинается тема «налоги», которая интерпретируется шире — как получение царем тех или иных ценностей (имущества) и услуг в качестве вознаграждения за охрану подданных. В этом ключе подается случай с имуществом, лишенным хозяина (II.1.36—38), и находкой клада (II.1.43—45), собственником которых в определенных условиях становится царь. Отсюда делается логичный переход к под-

³⁶ Вигасин, Самозванцев. Артхашастра..., с. 40.

³⁷ Примечательно, однако, что количество глав и, видимо, их расположение в разных версиях «Васиштхи» не совпадают и о ее первоначальном облике сейчас судить трудно; см. на этот счет мнение П. В. Кане (op. cit., p. 94, 97).

теме «свам» — собственность: законным способам ее приобретения (II.1.39—42), лишению собственности, которая похищается ворами, и возвращению ее царем законному хозяину (II.1.46—47) и охране имущества ребенка до его совершеннолетия — надо полагать — от тех же «воров» в расширительном их истолковании (II.1.48, см. также II.1.49; имеются в виду алчные родственники и пр. — ср. «Ману» VIII.29). Заметим, что в «Гаутаме» тема «налоги» входит в собственно раджадхарму; за ней следует изложение той же раджадхармы в II.2, различных правовых казусов, и в первую очередь — уголовных преступлений, в II.3, и все обрамляет тема суд и свидетели в II.4.

В «Ману» макрораджадхарма включает VII—IX главы до шлоки IX.325. Предмет VII главы составляет собственно раджадхарма, VIII и IX до шлоки IX.250 — व्याвахара (право) в виде 18 поводов судебного разбирательства (аштадшапада); шлоки IX.252—293 содержат кантакашодхана («искоренение шипов» — преступников) и касаются главным образом уголовных преступлений. Последующий текст до шлоки IX.325 в духе VII главы толкует дхармы царя, в виде рамочной конструкции обрамляя весь текст VII—IX глав. В заключительной части IX главы (шлоки 326—336) описывается дхарма вайшьев и шудр.

Деление текста «Ману» на व्याвахару и кантакашодхану, организация материала व्याвахары в виде аштадшапада, практика заимствований и еще ряд моментов показывают, что «Ману» — первая из дхармашастр — испытала на себе влияние «Артхашастры» и ее источников. Их влияние сказывается, видимо, и в том, что в «Ману», «Яджнавалкье» и в более поздних текстах правовой ветви дхармашастры суд (процессуальное право) не завершает, а открывает изложение предметов व्याвахары. Но впервые, следуя этому принципу, строится XVI глава (вьявахара) «Васиштхи». Пространственная схема дхармасутр (макрораджадхарма состоит из собственно раджадхармы — व्याвахары — суда) нарушается, так же как и функциональная схема макрораджадхармы дхармасутр: соблюдение царем дхарм варн и ашрам — нарушение их подданными — наложение на них наказания царем (расследующий нарушение и налагающий наказание суд), поскольку в «Ману» и последующих шастрах мотивация царь — преступление — наказание значительно ослабевает. Рамки макрораджадхармы, которые раздвигаются с включением в текст «Ману» обильного и многообразного правового материала, оказываются формальными. По существу этот материал обособляется и организуется вне раджадхармы как отдельный предмет дхармашастры. Логические связи, позволявшие этому материалу существовать в дхармасутрах в рамках раджадхармы в качестве составной ее части, рвутся. Теперь он получает иную организацию. В процессе этого обособления, организационного выделения права (степень которого не следует преувеличивать, так как, скажем, между VII и VIII главами «Ману» существует естественная связь и первые шлоки VIII главы служат связующим звеном между ними) неизбежным оказывается включение в его предмет, не вполне органичное, части материала собственно раджадхармы. Впервые мы сталкиваемся с этим явлением в «Васиштхе»: в текст ее XVI главы (вьявахары) оказывается включенным фрагмент, состоящий из 7—9 шлок, об охране царем имущества несовершеннолетних, более уместный в контексте XIX главы (раджадхармы). В шлоке XVI.6 говорится об охране царем благоприобретенного и уже затем — имущества детей и т. д., а в шлоке XVI.5 — о беспристрастности царя по отношению к подданным. Тем самым фрагмент 6—9 как бы «пристегивается» к предшествующему тексту о справедливом наложении наказания царем как пример его поведения, соответствующего дхарме.

Схожим образом в «Ману» в VIII главе вначале в виде рамки вводятся шлоки 1—26 в духе тех глав дхармасутр, которые излагают тему суда и свидетельских показаний, — относительно организации суда и общих принципов наложения наказания (ср. «Васиштху» XVI, 1—5). Затем вклю-

чается фрагмент, обычный для раджадхармы дхармасутр, но отсутствующий в VII главе «Ману» — об охране имущества несовершеннолетних, опеке бездетных и прочих женщин (шлоки 27—29 — ср. «Васиштху» XVI.7—9), об имуществе, лишенном собственника (шлоки 30—34 — ср. «Васиштху» XVI.19), о находке клада (шлоки 35—39) и о возвращении хозяину похищенного ворами имущества (шлока 40).

Схемы построения текста «Васиштхи» и «Ману» аналогичны (ср. соответственно XVI.1—9, 19—VIII.1—40). Но применительно к «Ману» мы имеем дело уже с целым фрагментом VIII.27—40, перенесенным из контекста раджадхармы (VII глава) в контекст व्याвахары (VIII глава). Повидимому, составитель «Ману» здесь следовал за «Васиштхой»; данный фрагмент в «Ману» можно истолковать только приблизительно в том же ключе, что и в «Васиштхе» и в духе преамбулы VIII главы — относительно праведного и неправедного (соответствующего и несоответствующего дхарме) поведения царя. Он, следовательно, содержит примеры поведения добродетельного царя, соблюдающего дхарму. Далее, в шлоках «Ману» VIII.41—42, 46 говорится об установлении царем дхарм — обычаев, присущих тем или иным общинам. В «Васиштхе» в отличие от «Ману» эта тема остается в раджадхарме (см. начало XIX главы). Со шлок 43—45, особенно с 45, в «Ману» начинается тема свидетелей и юридической аргументации сторон в суде, которая в дхармасутрах завершает макрораджадхарму, точнее сказать, — входящую в состав последней व्याвахару, хотя о собственно свидетелях говорится с 61 по 123 шлоку. Так как в последней шлоке составитель касается наказания за лжесвидетельство, это служит поводом для перехода к описанию объектов наказания (124—125), принципов наложения наказания (126—128), а также категорий наказания — от менее к более тяжелым (129) с обрамляющей шлокой 130. Фрагмент 131—138 тоже входит в подтему наложения наказания, поскольку смысл таблицы мер весов раскрывается в шлоке 138, где упомянуты первый, средний и высший штрафы, выраженные в планах, о которых шла речь в этой таблице. По существу здесь завершается тема суда и свидетелей, и только со шлоки 139 начинается изложение первого предмета судебного разбирательства — «невозвращения долга», которое продолжается до шлоки 178. Причем впечатление таково, что последняя шлока заключает в рамку весь текст приблизительно с 45 шлоки. Это свидетельствует о том, что фрагмент, состоящий из 27—40 шлок, не образует органичной части текста и как бы обособляется внутри его. Пример «Ману» говорит о том, насколько непросто был процесс организационного разграничения и обособления собственно раджадхармы и व्याвахары.

Что касается «Яджнавалкьи», то в ней интересующий нас фрагмент раджадхармы подвергается трансформации. Структура вводных пракаран ее II книги такова: шлоки 1—23 излагают процессуальное право; 24—29 — давностное право; в 30—32 говорится о юридической значимости тех или иных сделок (актов); затем следует знакомый небольшой фрагмент раджадхармы: в 33 шлоке говорится об имуществе, лишенном собственника, в 34—35 шлоках — о находке клада, в 36 шлоке — о возвращении царем похищенного ворами имущества его хозяину. Взятый безотносительно к контексту, фрагмент, состоящий из 33—36 шлок (или из 24—39 шлок), по аналогии со схемой «Гаутама» можно было бы интерпретировать как посвященный отношениям собственности. Однако, судя по контексту, смысл построения текста дхармашастры в данном случае иной. Шлоки 21—23 рассматривают в общей форме юридические акты и доказательства, которыми должен руководствоваться суд при вынесении приговора. Шлока 22 упоминает три важнейшие категории доказательств — документ, свидетелей и пользование и как менее значимую — ордалию. Шлоки 22—23 организуют последующий текст, так как шлоки 24—29 посвящены описанию функций юридического авторитета «пользования», а шлоки 21—36 в целом как бы «пристегиваются» к теме процесс в качест-

ве примера разного рода сделок — законных и незаконных юридических действий, составляющих основу тех или иных тяжёб в суде ³⁸. Поэтому смысл помещенных в этот контекст шлок 33—36, каким он был в композиции «Гаутамы» и более древних дхармасутр, а равно каким он был в композиции «Васиштхи» и «Ману», по сути дела утрачен.

Заметим еще раз, что структура текста «Ману» и последующих дхармашастр должна рассматриваться с учетом влияния «Артхашастры» и ее источников, а также текстов (или текста) еще одной традиции артхашастры (их влияние заметно в первую очередь в «Ману» и через ее посредство — в «Яджнавалкье»; возможно, оно в какой-то степени сказывается и на «Артхашастре»). Вопрос этот, безусловно, не может считаться решенным и нуждается в дальнейшем изучении.

³⁸ См. Самозванцев. Заметки...

ON THE LAW TEXT OF THE DHARMASŪTRAS

A. M. Samozvantsev

The author discusses insufficiently studied material in the *dharmasūtras*: the «Āpastambadharmasūtra», «Baudhāyanadharmasūtra» «Vasiṣṭhadharmasūtra», «Gautamadharmasūtra» — prosaic ethical compositions of the last third of the I millennium B. C. to the very beginning of our era and preceeding the well known metrical *dharmasāstras* «Manusmṛti», «Yājñavalkyasmṛti» etc. The author gives special attention to the divisions of *prāyaścitta* (atonements and vows imposed by the community) and *vyavahāra* (activities of the king and his administration, the struggle of the king's administration against crimes, and the imposition of punishments). Study of *prāyaścitta* shows that it, like *vyavahāra*, included these subjects, though in very small compass, and these subjects took on a sacral character and were described in terms of sin-crime; when the law found this far too specific and narrow for its purposes it began to attach itself more and more closely to the different parts of *vyavahāra*. The law as it appears in the early *dharmasūtras* is rather well developed, evidently that was where it really belonged; in the later *dharmasāstras*, on the other hand, there takes place a technologization of ancient Indian law. As for the absence of any mention of documents in the text of the *dharmasūtras*, the oaths turning a witness away from false testimony show that the compilers of the *dharmasūtras* had in mind first of all criminal law, and not private-law questions. Documents are not mentioned in the *dharmasūtras*, not because the law was undeveloped but because of its specific character. The author discusses the composition of the *dharmasūtras*. He finds that they are affected by a functional split in the text of the *rājadharmasūtra* (the *dharma* of the king) who must perform two basic interlocking functions — to fight the enemy abroad and to guard his subjects.
